

4 В.И. ИОХЕЛЬСОН: СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА 1895 Г. ИЗ СИБИРЯКОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Анна А. Сирина

Мысль Иохельсона, высказанная в письме в Восточно-Сибирский отдел ИРГО из Сибиряковской экспедиции: «...нужно сделать одно: записывать — а записывать есть что, только не ленись»¹, перекликается с мыслями К. Гирца, высказанными много лет спустя: «Чем занимается этнограф в поле? Он записывает»². Интерес к полевым дневниковым записям обусловлен методологической рефлексией в интерпретативной антропологии (1970–1990-е гг.), когда важным становится сам процесс сбора этнографических материалов, а также их интерпретация. Публикация личного полевого дневника основателя британской антропологии Б. Малиновского подогрела интерес к различным вопросам полевой работы, включая этические, и к фигуре исследователя³. Вокруг этих вопросов сложился большой объем научной литературы⁴.

¹ Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // *Расы и народы*. 2007. Вып. 33. С. 349.

² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной истории культуры // *Интерпретация культур*. М., 2004. С. 28.

³ Malinowski B. *A Diary in the Strict Sense of the Term*. With a new introduction by R. Firth. London, 1989.

⁴ Арзютов Д.В., Кан С. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 6. С. 45–68; Гунта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: “поле” как место, метод и локальность в антропологии // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 6. С. 3–44; Давыдова Е.А. Полевые дневники В. Г. Кузнецовой как этнографический источник // *Университетский научный журнал*. 2015. № 14. С. 160–167; Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // *Мониторинг общественного мнения* 2012. № 1(107). С. 128–140; Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015; Пивнева Е.А. (ред.) Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. СПб.: Нестор-История, 2017; Форум: От поля к тексту // *Антропологический форум*. 2018. № 36; Хаховская Л.Н. Полевые исследования В.Г. Кузнецовой в Амгуэмской тундре // *Этнографическое Обозрение*. 2016. № 3. С. 83–95; Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д.Л. Иохельсон-Бродской) // *Россия и АТР*. 2017. № 2. С. 195–213; Широкогорова Е.Н. Полевой дневник из экспедиции в Забайкалье 1912 г. // Три века российской этнографии. Страницы истории. / Ред. А.А. Сирина. М., 2018. С. 200–220; Clifford J., Marcus G. (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of*

Для сибиреведов особый интерес представляют дневники классиков этнографии, стоявших у истоков этнографического сибиреведения. Среди таких имен, несомненно, следует назвать имя Владимира (Вальдемара, Вениамина) Ильича Иохельсона (1855–1937)⁵. Иохельсон участвовал в трёх крупнейших экспедициях конца XIX–начала XX вв.: российской Сибиряковской (1894–1896), американской Джексоновской (в 1900–1902) и российской Рябушинского (Камчатско-Алеутская, 1908–1910)⁶, в которых провел около 7 лет. Он стал подлинным знатоком малоизученных культур, языков и диалектов народов Северо-Востока России. Ученый является автором 12 монографий (не считая переиздания) на русском и английском языках, а также статей на русском, английском, немецком языках⁷. Молодые этнографы-марксисты в СССР признавали, что Иохельсон – «выдающийся полевой исследователь и лучший знаток языка, фольклора, материальной культуры юкагиров, алеутов, ительменов и коряков», однако критиковали ученого за эмпиризм и призывали вернуться в СССР из «научного одиночества» в США⁸.

Полевой опыт Иохельсона до сих пор остается невостребованным. Да, он не оставил трудов, где была бы сформулирована его концепция поля, как, впрочем, и Ф. Боас⁹. Иохельсон не был публичной фигурой, в противоположность Штернбергу и Богоразу, которые активно сотрудничали с советской властью, работая в Комитете Севера при Всесоюзном центральном исполнительном комитете (ВЦИК), принимали участие в подготовке первых кадров национальной интеллигенции из числа народов Севера в Институте народов Севера, а также развернули этнографическое образование в Ленинградском университете¹⁰. Как отметил С.А. Корсун, «сравнив годы, проведенные в царской ссылке, – когда он

Ethnography. Berkeley, 1986; *Writing Ethnographic Fieldnotes*. Edited by R. M. Emerson, M.I. Fretz, and L.L. Shaw. Chicago, 2011; и мн.др.

⁵ *Winterschlade M.* The Forgotten Member of the “Ethnotroika”? Waldemar Jochelson in the Mirror of Research and His Scientific Legacy // Jochelson, Bogoras and Shternberg. A Scientific Exploration of the Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography / Ed. by Erich Kasten. Fürstenberg/Havel, 2018. P. 13–32.

⁶ *Слободин С.Б.* Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 96.

⁷ *Слободин С.Б.* Список работ Владимира Ильича Иохельсона // Этнографическое обозрение Online. Сентябрь 2005 (<http://journal.iea.ras.ru/online>); *Kasten E.* From Political Exile to Outstanding Ethnologist For Northeastern Siberia: Jochelson as Self-Taught Fieldworker During His First Sibirakov Expedition 1894–1897 // Jochelson, Bogoras and Shternberg. A Scientific Exploration of the Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography / Ed. E. Kasten. Fürstenberg/Havel, 2018. P. 35–59.

⁸ *Шафров К.Б.* В.И. Иохельсон // Советская этнография. 1935. №2. С. 13

⁹ *Арзютов Д.В., Кан С.* Концепция поля... С. 49.

¹⁰ *Вахтин Н.Б.* «Проект Богораз»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141; *Лярская Е.* Ткань Пенелопы: «проект Богораз» во второй половине 1920 – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.

участвовал в научных экспедициях, получал за это жалование и публиковался, – и неделю в советской тюрьме, В.И. Иохельсон решил покинуть советскую Россию»¹¹ и в августе 1922 г. в возрасте 67 лет уехал в командировку в США, откуда уже не вернулся.

В историю российской этнографии Иохельсон и Богораз вошли не только как выдающиеся ученые, но и как знаковые фигуры, олицетворяющие российско-американское сотрудничество в период формирования национальных научных традиций. Возможно, именно поэтому исследователей более всего привлек период работы Иохельсона в Джезуповской экспедиции и его сотрудничество с Ф. Боасом. В период «потепления» отношений между СССР и США, в апреле 1979 г., сотрудник Института этнографии АН СССР И.С. Гурвич в составе советской научной делегации в США посетил Американский музей естественной истории в Нью-Йорке, познакомился с архивными материалами Иохельсона, а также с этнографическими коллекциями, вывезенными из Сибири после завершения Джезуповской экспедиции¹². Архивные материалы Джезуповской экспедиции послужили основой для серии книг и статей¹³. Активно изучается участие Иохельсона в экспедиции Рябушинского на Камчатку и Алеутские острова¹⁴.

Сибиряковская экспедиция, которая была первой экспедицией Иохельсона, не может похвастать таким же вниманием, как Джезуповская¹⁵. Даже в России публикаций о ней немного¹⁶. Лишь недавно Сибиряковская экспедиция при-

¹¹ Корсун С.А. Л.Я. Штернберг как американист // Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / Отв. ред. Е.А. Резван. СПб., 2012. С. 79.

¹² Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г. Коллекции музеев США по народам Северо-Западной Америки и Сибири // Советская этнография. 1980. №5. С. 121–128; Gurvic, I.S., Kusmina L.P. W.G. Bogoras et W.I. Jochelson: Deux Éminents Représentants de l'Ethnographie Russe // Inter-Nort. 1985. № 17. P. 145–151.

¹³ Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition. Eds. I. Krupnik, W. Fitzhugh. Washington DC, 2001; Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Edited by L. Kendall and I. Krupnik. Washington DC, 2003; Вахтин Н.Б. «Наука и жизнь»: Судьба Владимира Иохельсона (По материалам его переписки 1897–1934 гг.) // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм (Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism). Краснодар. 2004. № 5. С. 35–49; Вахтин Н.Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274; Слободин С.Б. Указ. раб.; Kasten E., Dürr M. Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition: a new approach in the ethnography of the Russian Far East // W. Jochelson “The Koryak”. Edited by E. Kasten and M. Dürr. Fürstenberg/Havel, 2016. P. 9–34.

¹⁴ Корсун С.А. В.И. Иохельсон – исследователь алеутов // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 1. С. 6–17; Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун; Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб., 2014.

¹⁵ Freed S.A., Ruth S. Freed, and L. Williamson The Jesup Expedition and Its Analogues: a Comparison // Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Edited by L. Kendall and I. Krupnik. Washington DC, 2003. P. 89–101.

¹⁶ Майнов И.И. Предисловие // Виташевский Н.А. Левенталь Л.Г., Павлинов Д.М. Мате-

влекла внимание зарубежных исследователей¹⁷. Вместе с тем, ее результаты важны не только для реконструкции биографии Иохельсона, но и для истории российской, американской, и, шире, мировой антропологии. Так, мнение о том, что «история поля Богораза и Штернберга не вытекает непосредственно из полевой деятельности ИРГО, и по большей части связана с именем Франца Боаса и как следствие с немецкой традицией...»¹⁸ нуждается в корректировке после знакомства с дневниковыми записями Иохельсона, сделанными в ходе Сибиряковской экспедиции.

Ссылка в Якутию

Карьере раввина Иохельсон предпочел революционную деятельность. Активный революционер-народник, общавшийся с лидерами мирового социал-демократического движения в Германии, Швейцарии, России, он принимал активное участие в практической революционно-террористической деятельности. В 1886 г. был арестован, посажен в Петропавловскую крепость и осужден на 10 лет ссылки в Сибирь с проживанием в Якутской области на казенное пособие. С 9 ноября 1888 г. в течение неполного года он жил в южной части Якутии, в Олекминске, а затем был переведен в Колымский округ за «крайнюю политическую неблагонадежность». Как подчеркивает З.И. Иванова-Унарова, Иохельсон провел на Колыме до начала работы в Сибиряковской экспедиции два года¹⁹. В июле 1891 г. он был переведен, согласно распоряжению Иркутского генерал-губернатора, в связи с состоянием здоровья, в Богорадский наслег Западно-Кангаласского улуса (ныне с. Хатассы в пригороде Якутска) Якутского округа. З.И. Иванова-Унарова отмечает, что причиной его перевода были ходатайства его первой жены, Ольги Григорьевны Павелко-Иохельсон, которая поддерживала мужа материально и морально. С 7 апреля 1893 г. Иохельсон временно, а с 20 декабря 1893 г. постоянно проживал в Якутске и работал в Якутском музее и в Якутском областном статистическом комитете²⁰.

риалы по обычному праву и общественному быту якутов / Труды Комиссии по изучению Якутской автономной ССР. Т. 4. Л., 1929. С. I–XLIX; *Горохов К.Н.* Историко-этнографическое исследование якутов Якутской (Сибиряковской) экспедицией ВСОРГО в 1894–1896 гг. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск: ИГУ, 1962; *Астахова И.С.* «Эта безрассудная затея...». История организации Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894–1896 гг. // Илин. 2005. № 6 (47); *Милевский, Панченко* «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М., 2017.

¹⁷ *Kasten E.* From Political Exile... 2018; *Winterschladen M.* The forgotten member...

¹⁸ *Арзютов Д.В., Кан С.* Концепция поля... С. 48.

¹⁹ *Иванова-Унарова З.И.* В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз – начало... С. 230.

²⁰ *Казарян П.Л.* Олѣкминская политическая ссылка 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. С. 250–251; *Иванова-Унарова З.И.* В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз – начало североведческой традиции // Эхо Арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в

Педантическая четкость работы, смелость и находчивость, отличавшие Иохельсона²¹, пригодились в Сибири. Именно там начался новый этап его жизни, который оказался связан с этнографическими, антропологическими, лингвистическими и фольклорными исследованиями народов северо-востока Сибири. Без ссылки в Сибирь и промыслительных случайностей не было бы Иохельсона-этнографа, а сама российская и мировая этнография и антропология, исследования алеутов, коряков, юкагиров, ительменов были бы, несомненно, иными.

Сибиряковская (Якутская) экспедиция (1894–1896/1897)

Сибиряковская (Якутская) экспедиция (1894–1896/1897) была комплексной исторической, этнографической, фольклорной, лингвистической, археологической стационарной экспедицией, уникальной для своего времени по масштабу, количеству участников, поставленным целям и достигнутым результатам. В экспедиции приняли участие 26 человек, – политические ссыльные, государственные чиновники, священники, представители национальной интеллигенции. Неофициально экспедиции помогали местные жители²². Основными участниками экспедиции стали 13 политических ссыльных. Находясь ко времени начала Сибиряковской экспедиции в ссылке более шести лет, они занимались самообразованием, близко узнали жизнь и быт местного населения, некоторые изучили язык, участвовали в написании статей для официальных справочных изданий по Якутской области, а некоторые строили планы проведения экспедиции («экскурсии») в центральных улусах Якутии²³.

исследованиях ученых-североведов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Якутск. 2019.

²¹ Шавров К.Б. В.И. Иохельсон... С. 2.

²² Майнов И.И. Предисловие // Виташевский Н.А. Левенталь Л.Г., Павлинов Д.М. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов / Труды Комиссии по изучению Якутской автономной ССР. Т. 4. Л., 1929. С. I–XLIX; Горюхов К.Н. Деятельность Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894–1896 гг. // Труды Якутского филиала СО АН СССР. Якутск, 1958. Сер. общ.наук. Вып. I (VII); Астахова И.С. Археологические исследования Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894–1896 годов // Исторический ежегодник / Ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Рипэл, 2008. С. 30–39; Сирина А.А. Научное творчество как сотрудничество (по материалам Сибиряковской (Якутской) экспедиции) // Творческая личность в историко-культурном пространстве: материалы Международной конференции, посвященной 100-летию послания А.Е. Кулаковского “Якутской интеллигенции” (г. Москва, 21–22 ноября 2012 г.) / Отв. ред. Л.Р. Кулаковская, К.К. Султанов. Новосибирск: Наука, 2013. С. 241–250; Милевский О.А., Панченко А.Б. “Беспокойный Клеменц”...

²³ Милевский О.А., Панченко А.Б. “Беспокойный Клеменц”...С. 524–525.

Исследования проводились в течение двух с половиной лет среди семи коренных народов, расселенных небольшими группами в четырех огромных округах Якутской области – Якутском, Олѣкминском, Верхоянском и Колымском. Сегодня экспедиция видится как новаторский опыт, уникальный в истории мировой науки эксперимент, результаты которого изначально были непредсказуемы²⁴. Роль Д.А. Клеменца, ссыльного народника первой волны, на момент организации экспедиции – путешественника, археолога, географа, этнографа, правителя дел Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в организации Сибиряковской экспедиции можно соотнести с ролю Боаса в организации Джекзуповской экспедиции. Д.А. Клеменц умел лавировать и примирять людей разного социального положения и характеров в интересах общего дела. Он предложил И.М. Сибирякову устроить экспедицию силами ссыльнопоселенцев и одновременно уговаривал власти пойти навстречу столь неординарному решению. Дмитрий Александрович включил кандидатуру Иохельсона, с которым был знаком с 1875 г., на утверждение в качестве «экскурсанта» экспедиции. К сожалению, с весны 1894 г. Клеменц отошел от непосредственного руководства экспедицией, хотя и следил за ходом ее работы и состоял в переписке с ее участниками²⁵. Останься Дмитрий Александрович во главе экспедиции, кто знает, возможно, он сумел бы организовать публикацию всех экспедиционных материалов.

Цель Сибиряковской экспедиции, по сравнению с организованной позже американской Джекзуповской экспедицией, была практическая: предполагалось исследовать влияние золотопромышленности на жизнь и быт «инородцев», преимущественно якутов и тунгусов. Якутия и ее население были крайне малоизучены, и любая собранная в поле информация представляла собой вклад в этнографию. Практические задачи означали тесную увязку с этнографией современности и текущей историей. Складывается впечатление, что Сибиряков ожидал от этой экспедиции выхода на какие-то новые уровни понимания и обобщения социальных процессов и явлений, которые не могла дать традиционная этнография. Будучи христианином, он хотел, по-видимому, помочь ссыльным народникам. Иннокентий Михайлович не ограничивал экскурсантов жестким планом, разрешив более широкий охват территории и исследуемых вопросов. На проведение экспедиции он пожертвовал 12 тыс. руб. золотом²⁶. Экспедиция могла бы стимулировать социологические исследования, развить новые темы. Но основные ее участники шли в основном в русле господствующих на тот момент в российской этнографии и географии теорий и концепций. Особенностью биографий народников, ставших учеными в ссылке, в том числе

²⁴ Астахова И.С. Археологические исследования...

²⁵ Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»...

²⁶ О работах Якутской экспедиции: отчет за 1895 г. // Известия ВСОИРГО. 1896. Т. 27. № 2. С. 42–47.

и героя этой статьи, было то, что они стали этнографами поневоле. Завершенного университетского образования у Иохельсона не было: он окончил хедер и Виленское раввинское училище, а также в течение нескольких семестров прослушал курсы в университетах Германии и Швейцарии²⁷. Вместе с тем, участники экспедиции нащупали важные темы исследований, например, о взаимовлиянии местного и русского населения (Майнов и др.).

В январе 1894 г. Дмитрий Александрович Клеменц приехал в Якутск из Иркутска, чтобы уладить научно-организационные вопросы экспедиции: согласовать окончательный состав участников, разрешения на разъезды, разделить средства, научные темы и территории исследования, а также разработать и утвердить научные планы и программы. Все вопросы решались на общих собраниях экскурсантов, которые специально съехались в Якутск из мест поселений. Собрания проводились с 18 января по 8 февраля 1894 г. в канцелярии Якутского областного статистического комитета под председательством сотрудника экспедиции, члена-секретаря Комитета А.И. Попова²⁸. Впоследствии он заслужил добрые слова от экскурсантов за четкую организационную работу.

Клеменц, опытный полевой исследователь, поставил задачу выработать общую и индивидуальные программы и планы работы. Подобная тактика была принята не только в России; Малиновский отправился в Меланезию, вооруженный опросниками. В случае Сибиряковской экспедиции образцами служили программы по этнографии Императорского Русского Географического Общества для исследования русского населения Европейской России, программа по изучению инородцев Н.М. Ядринцева, программы этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии под редакцией Н.А. Янчука и рукописная программа Д.А. Клеменца. Генетически им предшествовали программы немецких естествоиспытателей и путешественников XVIII в. Отдельные части общей программы обсуждались на организационных заседаниях, в них вносились уточнения и исправления²⁹. Программа включала в себя разделы: звероловство; рыболовство; скотоводство; земледелие; ремесла; пища, питье и наркотические средства; жилище и его принадлежности; одежда и наряды; семейный быт, включая детство и отрочество, брачный возраст, свадьба, супружество, взаимоотношения членов семьи и родственников, смерть и похороны; игры и увеселения, нравы и национальный характер³⁰. Каждый из разделов заключал в себе подробный перечень вопросов, ориентирующих исследователя.

Каждый «экскурсант» имел совместно обсужденные и утвержденные вопросники, ознакомился с определенным объемом этнографической и тео-

²⁷ *Kasten E. From Political Exile... ; Winterschladen M. The forgotten member....*

²⁸ Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц» ...

²⁹ Пекарский Э.К., Майнов И.И. Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов // Живая старина. 1913. Вып. 3–4. С. 117–135.

³⁰ Там же.

ретической литературы, которую находили в Якутске и заказывали из Иркутска. В 1894 г. Виташевский, Иохельсон, Майнов и Геккер в Якутске совместно обучались приемам антропометрии (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 469. Л. 80б.).

Планировалось, что большинство «экскурсантов» – Пекарский, Ястремский, Виташевский, Ионов, Ковалик, Левенталь, Майнов, Горинович, Геккер, Ливадин будут работать в Якутском округе среди якутского населения. Исследовательские темы включали проблему культурных контактов русского и местного коренного населения, демографию и статистику, язык и фольклор, антропологию и археологию. Поставленные темы лишь отчасти соответствовали изначальным мыслям Сибирякова об исследовании текущей современности и последствий культурных и социально-экономических контактов в местах золотодобычи.

Иохельсон и Богораз взяли на себя отдаленный на 2–3 тыс. км от Якутска Колымский округ, чем вызвали удивление Иркутского генерал-губернатора. «Я возьму на себя Якутский улус (в округе один улус), – писал Иохельсон во Восточно-Сибирский отдел ИРГО (далее – ВСОИРГО), – и Верхнеколымскую часть округа с юкагирскими и ламутскими родами; В.Г. Богораз – русское население на Колыме и Нижнеколымскую часть округа с чукчами, чуванцами и некоторыми тунгусо-ламутскими родами». ³¹

Иохельсон и Богораз планировали провести 2 года и 4 месяца в Колымском округе (с 15 октября 1894 г. по 15 февраля 1897 г.), однако из-за подготовки к экспедиции в Якутске этот срок был сокращен до 2 лет. Иохельсон получил 2 тыс. руб. на себя и Богораз на проведение экспедиции. Впоследствии из-за высокой сметы расходов для работы в отдаленных округах им было дополнительно выделено 500 руб. В декабре 1894 г. Иохельсон выехал в Среднеколымск.

Полевая работа

За период работы в Сибиряковской экспедиции с 5 декабря 1894 г. В.И. Иохельсон совершил восемь поездок, включая поездку в качестве переписчика Всероссийской переписи населения (с 15 января по 15 июля 1897 г.)³². Всего он провел в поле 2 года и 7 месяцев. Метод его может быть назван стационарным в том смысле, что он постоянно находился в Якутии, и маршрутно-стационарным, если иметь в виду его поездки к разным территориальным группам юкагиров (верхнеколымским, коркодонским, нижнеколымским, омонским и индигирским), тунгусов, ламутов, якутов Колымского и Верхоянского округов.

Свои исследования Иохельсон начал со среднеколымских якутов. В марте-апреле 1895 г. он работал у якутов 2-го Байдужского и Эгинского наслегов

³¹ Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие...

³² Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Крайнего Севера Якутской области (с картой маршрутов). Иркутск, 1897.

(соответственно 30 и 14 хозяйств), расположенных к северо-северо-западу от Среднеколымска. Он произвел похозяйственную перепись среди 21 хозяйства первого наслега и 8 хозяйств второго. Удалось измерить 26 человек, сделать 40 фотографий и собрать материалы по этнографии. После этого он отправился в 3-й Мятюжский якутский наслег, расположенный в 150-200 верстах к северу от Среднеколымска, где пробыл до 13 июня, проводя антропометрические измерения, фотографируя, собирая материалы об экономическом положении и промыслах (Л. 1–7). Эти поездки были относительно кратковременными, продолжались один-два месяца. Впоследствии эти материалы вместе с собранными в якутских наслегах в период работы Джезуповской экспедиции вошли в его книгу «Якуты»³³.

В статье на основе «Путевых заметок» Иохельсона (тетрадь № 2)³⁴ рассматривается «четвертая поездка» Иохельсона, которая проходила по маршруту: Среднеколымск – Верхнеколымск – р. Ясачная – устье Нелемной – устье Поповой – Колыма – устье Нелемной – Верхнеколымск – Среднеколымск с 22 июля по 6 декабря 1895 г.

Полевые записи

С 19 июня по 22 июля 1895 г. Иохельсон находился в Среднеколымске, разбирая архивные дела, а 4 августа прибыл в Верхнеколымск, ожидая приезда глав юкагирского Ушканского рода и 2го Дельянского ламутского рода³⁵. Все это время он не вел дневник. «Это непростительно, но тому будут объяснения», – пишет Иохельсон словно для внешнего цензора: плохое самочувствие и желание дожидаться якутской почты (Л. 4об.). В письме во ВСОИРГО он указывает другую причину: «верхнеколымские юкагиры приедут позже обыкновенного с верховьев рек к их летним кочевьям по реке Ясачной»³⁶.

Полевые записи понимаются как собрание дискретных текстов, порожденных полевой работой и представляющих сырую или частично обработанную базу данных для более поздних обобщений и теоретических размышлений³⁷. Вместе с тем, эти записи представляют собой «анализ-в-описании», поскольку сделаны сознательно, с определенной целью и под определенным углом зре-

³³ Jochelson W. The Yakut. New York, 1933.

³⁴ Рукописи хранятся в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, фонд № 631, дело № 15. Первая ссылка на этот архив: АИВР РАН. Ф. 631. Д. 15. Остальные ссылки на это дело идут только с указанием номеров листов.

³⁵ Сирина А.А., Шинковой А.И. Незвестное наследие... С. 353–354.

³⁶ Там же. С. 353.

³⁷ Rapport N. Writing Fieldnotes. The Conventionalities of Note-Taking and Taking Note in the Field // Anthropology Today. 1991. Vol. 7. No 4. P. 10.

ния³⁸. Иохельсон отмечал, в поле он вел записи двоякого рода: специальные (лексикология, фольклор, грамматика, антропометрия, похозяйственная перепись) и путевые. Путевые записи были комплексными, в них сосредоточились этнографические и фольклорные материалы, который автор записывал по мере его поступления, и информация, касающаяся быта экспедиции и рефлексии исследователя. Ученый отмечал, что вносил в путевые заметки «все, что казалось мне интересным, без соблюдения какой бы то ни было системы», «в том порядке, как их узнавал, отмечая только на полях, к какому отделу данное сведение относится»³⁹. Пометки карандашом красного и синего цвета или ручкой на полях дневника были сделаны, вероятно, несколько позже основных записей. Среди вынесенных на поля тем по мере убывания частотности перечислены: «Звероловство» / «Охота» / «Звериный промысел», «Рыбный промысел», «Записи фольклора – сказки и др. (шаманское) с синхронным переводом»; «Религия» / «Верования» / «Суеверия» / «Гадания юкагиrow»; «Болезни» / «Лечение»; «Семейные отношения» / «Общественные отношения» / «К культу предков» / «Обычное право» / «Женитьба»; «Пища»; «Мера пространства»; «Наряды»; «Лодки»; «Селения»; «Красота»; «Железо»; «Мамонт» и др. Фактически, не было такой сферы жизни юкагиrow, которая не привлекла бы внимание Иохельсона. В данной статье будут затронуты только некоторые из этих тем.

У каждого полевого исследователя есть свои приемы ведения дневника и один из них состоит в схематичной записи в условиях ограниченного времени, которую позже автор может развернуть в полный текст⁴⁰. И этот момент перевода информации из полевого дневника в текст статьи или книги включает и телесный, и эмоциональный, и духовный опыт восприятия поля. В этом контексте дневник полностью может раскрыться только самому автору, порождая забытые образы, ассоциации и воспоминания. Путевые записи включают в себя переложение разговоров, прямую речь, комментарии, предположения, личные впечатления и наблюдения людей и событий, описание собственных действий и эмоций, запись и перевод фольклорных текстов с информантами, небольшие зарисовки жизненных ситуаций. Фактически, мы видим использование максимально широкого спектра стратегий письма. Транскрипция (расшифровка) занимает до 1/3 места в дневнике Иохельсона; имелись еще отдельные словарные записи и записи фольклора. Лингвистические записи грамматики и лексики на первом этапе были одним из основных методов его работы у юкагиrow, наряду с путевыми записями.

³⁸ Clifford J., Marcus G. (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, 1986. P. 105–106.

³⁹ Иохельсон В.И. 1897. С. 17.

⁴⁰ Венцель А. Полевые заметки и скрытая история // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 34–42.

На реке Ясачной. Юагиры

До встречи с юагирами путевые записи Иохельсона идут довольно вяло и почти безэмоционально, включая сведения о погоде, особенностях пройденного пути и местности, некоторые этнографические подробности о встреченном населении. И проскальзывают философские мысли о терпении: «...в этих местах поддаешься терпению во всех отношениях» (Л. 1об.). Важная мысль, появившаяся благодаря новому экспедиционному опыту.

Описания природы встречаются в дневнике Иохельсона достаточно редко; ими отмечены переходные моменты полевой работы. После прибытия в Верхнеколымск и на реку Ясачную характер записей неуловимо меняется: появляется искра интереса к природе и населению.

Р. Ясачная вверх от устья производит приятное впечатление чистотой, прозрачностью своей (зеленоватого цвета) воды, своей глубиной, тихим течением. Колыма со своими мелями, шиверами, грязной водой походит на костлявую, сварливую и беспокойную старуху, а Ясачная – на полногрудую, ясную, тихую и плавную в движениях молодую русскую красавицу, манящую вас глубиной и [...] цветов (Л. 21об.).

Особенности населения сразу бросились в глаза: «Вообще тут явления метисации. Якуты, русские, юагиры и ламуты перемешаны! Выделить чистый тип трудно – может б[ыть], невозможно. Вообще недоумеваешь – ламуты не ламуты, а юагиры – кто знает, кого они представляют по своим физическим свойствам» (Л. 24 об.). Эта мысль о невозможности выделить чистый тип не соответствовала уровню развития эволюционистской этнографии того времени, заимствовавшей свои подходы от естественнонаучных дисциплин. Хотя Иохельсон следует сложившейся традиции описания согласно категориям племен и народов, он обращает также внимание на ассимилированную группу «юагиризованных тунгусов», вошедших в состав юагиров, и рассматривает их вместе⁴¹. Интересно, что внимание к вопросам аккультурации и ассимиляции на примере тунгусов и якутов, якутов и русских Якутии характерно и для другого участника экспедиции, И.И. Майнова. Хотя Иохельсон следует эволюционистской схеме, господствовавшей в то время в этнографии, он подвергает её сомнению в своих записях. «Из-за того, что по языку ламуты подчинены юагирам, следует ли заключить, что у последних культура выше? Но что якуты более культурный народ и более живучий, приспособляющийся, об этом нечего говорить» (Л. 25).

Иохельсона привлекли физические особенности юагиров и якутов, связанные с повседневными практиками. Сегодня эта тема активно разрабатывается в

⁴¹ Иохельсон В.И. Юагиры и юагиризованные тунгусы. Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск, 2005.

антропологии телесности, и я еще вернусь к ней, когда буду говорить о телесном опыте самого Иохельсона в этой экспедиции.

Познакомившись с якутским, тунгусским, русским, юкагирским населением Колымского округа и поняв, что не следует распылять силы на начальном этапе полевой работы, Иохельсон «решил избрать главной своей работой собрание материалов для составления монографии о юкагирах, с лексикографическими и грамматическими приложениями по языку»⁴². Судьбоносный выбор был сделан.

Изучение языка

Иохельсон постепенно овладевает различными тактиками полевой работы, понимает особую значимость записей по языку и фольклору и соответственно особых методов для их фиксации. Язык был средством для вхождения в этнографическую работу и постепенно сам стал целью, поскольку стало очевидным, что в языковых понятиях содержится важная культурная информация.

К началу экспедиции Иохельсон не владел свободно языками северных народов. Э.К. Пекарский вспоминал, что Иохельсон предполагал изучать у него якутский язык весной 1893 г., но не осуществил своего намерения, поступив на работу хранителем Якутского музея⁴³. Записи Иохельсона в дневнике в 1895 г. сделаны преимущественно на русском языке; записи на якутском и юкагирском языках встречаются в транскрипциях фольклорных текстов и терминов. В поездках 1895 г. его сопровождал казак Митрофан Котельников, в 1896–1897 гг. – колымские казаки Егор Антипин и Семен Березкин, «в качестве переводчиков и для оказания всякого содействия в пути»⁴⁴. Впоследствии Иохельсон ходатайствовал перед ВСОИРГО о награждении казаков и нескольких юкагиров и других местных жителей разных национальностей, оказавших ему помощь в сборе материала (подарки были отправлены, в т.ч. дорогостоящие ружья). Иохельсону пришлось выучить практически неизвестный науке юкагирский язык, хотя, согласно первоначальной программе⁴⁵, он планировал работать с переводчиком, т.к. юкагиры не говорили по-русски, но говорили по-якутски. Сначала он нанял переводчиком юкагира Алексея Долганова, но быстро понял, что «без знания языков немыслима этнографическая работа». Мысли об изучении языка похожи у Иохельсона и Богораза, видимо, этот вопрос они обсуждали.

⁴² Сирина А.А., Шинковой А.И. *Неизвестное наследие...* С. 356.

⁴³ Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»... С. 530.

⁴⁴ Сирина А.А. «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами». Неизвестные письма В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза из Сибиряковской (Якутской) экспедиции // Илин. 2007. № 5. С. 90–92.

⁴⁵ Степанова Л.Б. *Музейное собирательство в России. Якутские этнографические коллекции (1865–1968)*. Новосибирск, 2016.

Через месяц после начала работы у юкагиров, 28 августа 1895 г., в дневнике Иохельсона есть помета: «Записал первую сказку по-юкагирски с переводом. В грамматических формах еще не могу разобраться, в особенности глагольных» (Л. 27). К этому времени он записал около 300 юкагирских слов. С 22 сентября в дневнике идут записи небольших текстов, сопровождающих гадания, добычу белки и др. на юкагирском языке с переводом. Достойно удивления, насколько быстро, при том, что «трудность изучения юкагирского языка громадна» (Л. 32об.), Иохельсону удалось продвинуться в овладении им. Впоследствии в каждой новой экспедиции он будет изучать новые языки – корякский, алеутский, ительменский.

Экономика и социальные связи юкагиров

Как народник, Иохельсон уделял большое внимание хозяйственной жизни юкагиров в контексте экономического и социального неравенства. Фактически, он описал неравенство нескольких уровней, но отметил и эгалитарность юкагирского сообщества. Он собирал материалы по этой теме в ходе включенного наблюдения и неструктурированного интервью.

Внимание Иохельсона привлекло отсутствие равенства в «первобытном» обществе: он заметил, что промысел рыбы юкагиры ведут заездками и сетями, причем отметил, что заездками ловят беднейшие, а у кого есть сети, промышляют ими. Иохельсон замечает в связи с этим: «Вообще и тут коммунистический [нрзб] быт делает большие уступки индивидуализму, а может быть в самих первобытных обществах элементы последнего имеются» (Л. 42). Это важная мысль о неравенстве в первобытном обществе не получила своего развития в тексте дневника, но, возможно, оказала какое-то влияние на взгляды Иохельсона.

В дневниковых записях он неоднократно сравнивает якутов и юкагиров, обращает внимание на их экономическое неравенство. Вместе с тем, он отмечает вынужденную добровольность этой зависимости юкагиров от якутов:

На вопрос кто лучше, кого предпочитают – якутов или ламутов, Григорий ответил: якутов, потому что это народ умный, сообразительный, на всякое дело способен, а ламут только и знает белку и оленя. Он не совсем понял смысла моего вопроса, но отзыв этот характерен при нелюбви к якутам (Л. 44).

Он активно участвовал в повседневной жизни юкагиров и впервые наблюдал лов рыбы заездками во время осеннего промысла 1895 г. Осенний лов арктического омуля связан с сезонными миграциями омуля и нельмы из Восточно-Сибирского моря в район Средней Колымы и ее левых притоков на нерест и длится со второй половины сентября до ледостава в октябре. Основные места нереста

были в притоках Колымы – реках Ясачной и Омулевка. Внимание Иохельсона привлек процесс лова рыбы, использование орудий рыболовства, практики дележа добытой рыбы.

12 сентября в дневнике Владимир Ильич записал:

Очень интересно смотреть, как рыба табуном входит в «ворота» заездки головой, поворачивается хвостом и плавно входит в мережу. Жалко становится их. Из мережи их бросают в карбас, доставляют их на берег, где девки берут живую, бьющуюся рыбу и протыкают [...] заостренную палку сквозь жабры. Куча таких связок представляет трепещущую массу, на судороги которой никто не обращает внимания, мало того живучесть этих безгласных созданий забавляет ихтиофага» (Л.38).

На маленькой заездке (на р. Нелемной) было добыто 19 320 омулей, несколько нельм и мелкая рыба, которую не считали, и на Ясачной заездке 5040 омулей и 100 нельм. Она была распределена на 84 пая, каждый пай состоял из 290 омулей и одной нельмы. Из общего количества паев 60 распределили юкагирам и ламутам, остальные 24 – якутам (9), духовенству и в церковь (7), на школу (4) и местным жителям не юкагирам (4). Юкагиры хотели также дать пай Иохельсону и сопровождавшему его казаку Котельникову, от которых Владимир Ильич отказался: «Мне не нужно, я не за паем к Вам приехал, но если Вы отдадите пай, то разделите между самыми нуждающимися» (Л. 41). Процесс подсчета рыбы (кто, как, когда считал и принимал решение по дележу) не был описан в дневнике.

В той или иной форме Иохельсон постоянно наблюдал случаи дележа и обмена среди юкагиров, и сам принимал участие в этом процессе, поскольку это помогало сблизиться с населением. Исследователь отвечал на просьбы отдельных людей и давал небольшие суммы денег или делал подарки за рассказывание сказок (которые те принимали как кредит, хотя исследователь подчеркивал, что это подарок), угощал людей гостинцами, иногда водкой.

Когда ставили заедки, я ездил смотреть, поил чаем и раз привез бутылку водки; досталось работавшим по 2 рюмки, и они все опьянели, но вследствие этого работа закипела и в один день кончили то, что, как сами говорят, продолжалось бы 3 дня. На заездки ничего не берут с собой, и чай явился для них важным событием, а о водке говорили, что первый раз ее пьют на заездке. Вообще были в восторге. Когда делили рыбу из большой заездки, для меня отложили 10 нельм, меня уже не было. Привезли их домой и Иван мешан явился депутатом. Я их принял, выдал 4 ф. табаку и пригласил стариков на чай. Угостил бутылкой водки, печеньем. Тут князь держал речь: что мой приезд счастливый, что не было на Ясачной рыбы, со мной пришла и вместе со мной поднимается вверх. Теперь надеются не будут голодать, за меня благодарят (Л. 41об.).

В экспедиции Иохельсон питался отдельно от юкагиров, но рыба прочно вошла в его рацион: «Утром натошак я теперь с удовольствием ем сырую рыбу,

нахожу ее очень вкусной даже без соли. Раньше я бы сам этому не поверил» (Л. 43 об.).

Исследователя занимает вопрос не столько о пище, сколько о системе питания юкагиров в сравнении с европейской системой. На страницах дневника есть записи, сделанные со слов юкагиров о голодовках, которые поразили его. В книге можно прочесть о случаях каннибализма, но в дневнике 1895 г. таких записей нет. Впоследствии Иохельсон сообщил о голодовках на страницах печати, чем привлек внимание правительства к положению снабжения инородцев на северо-востоке России.

И.С. Гурвич обратил внимание на важность данных о традиции дележа в дневниках Иохельсона⁴⁶. Обычай дележа был особенно заметен на фоне сравнения юкагиров и якутов:

Какая противоположность между якутами и юкагиро-якутским родом! Первые в семье индивидуалисты (но не в общественной организации), до чужой семьи не только нет дела, но нередко перебивают друг у друга промыслы, доход. Здесь же всех соединяет братская любовь. Всякий считает своим правом требовать у другого, если у него есть пища (Л. 61).

Иохельсон сделал очень важное наблюдение, можно сказать, открытие, относительно практики требования дележа у юкагиров, но в дальнейшем не развил эту тему. В указателе к монографии о юкагирах нет термина «дележ», только «торговля» и «обмен»⁴⁷. Иохельсон затронул вопрос о дележе в разделе «Черты психики», где заметил, что угощение и дележ продуктами со стороны юкагиров воспринимались как должное: «Согласно их представлениям, человек, владеющий провизией, должен делиться с теми, у кого ее нет», отметив в то же время, что продукты не просят, так как боятся отказа. Дележ по требованию был «открыт» Н. Петерсоном во второй половине XX в. у австралийских аборигенов, а затем в Сибири у долган и эвенков⁴⁸.

Условия и методы полевой работы

Возможно, В.И. Иохельсон писал дневник с некоторой оглядкой на то, что его записи могут читать посторонние люди еще при его жизни, поскольку интересные с точки зрения рефлексивного метода подробности и эмоции встречаются относительно редко.

⁴⁶ Гурвич И.С. Полевые дневники... С. 252.

⁴⁷ Иохельсон В.И. Юкагиры и... С. 88, 607–609.

⁴⁸ Ziker J. Peoples of the Tundra. Northern Siberians in the post-communist transition; Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012.

Все, кто работал на Севере, знают, чего стоят добытые там полевые материалы. Иохельсону приходилось страдать и от холода, и от различных бытовых ситуаций, вести дневник в стесненных условиях: «В пологе писать невозможно было от холода, а в уресе князя тесно, дымно и просто неудобно заниматься, особенно писать на полу» (Л. 27). Но в дневнике он пишет о них нечасто и как об обыденных вещах. Запись от 24 ноября 1895 г.: «В 9 ч утра -34°. Ночью проснулся от боли в ноге – смотрю она тверда и холодна как лед – чуть не отморозил. Изба совершенно полая, труба не закрывается» (Л. 59). Владимир Ильич едва не утонул в реке Ясачной (а еще раньше – в Колыме). Юкагиры впоследствии боялись отпускать его на стружке, но он усилием воли поборол свой страх.

Сегодня, отъезжая от заездки Нелемной я опрокинулся и вывалился из стружка. К счастью, еще было не далеко до «ворот», и я доплыл до карбаса, несмотря на меховую куртку и холодную воду. Взобравшись на карбас, полный рыбой, я так промок, что не мог поднять ног от тяжести и упал на скользкую движущуюся массу, прекратив, вероятно, своим падением страдания многих из этой массы. Почувствовав холодную воду, я сейчас же поднялся, давая стечь воде с тела, но она вся втекла в торбаса. Добравшись до берегу, я велел развести большой костер, должен был совершенно раздеться и сушить одежду и белье. Не особенно приятно было, при низкой t. Только водка поддерживала (Л. 38).

Благодаря жизненному опыту, крепким нервам, острому уму и наблюдательности, некоторой предварительной подготовке, а самое главное – приятию юкагиров – Иохельсон на практике овладевает методами этнографической работы, сопоставляет сказанное и увиденное, делает выводы. «Юкагиры говорят, что у них нет обычая называть зверей на охоте особыми именами и отрицают все суеверные действия, совершаемые якутами и ламутами. Это едва ли верно. Потом увижу», – записывает он (Л. 30). Иохельсон давал юкагирам советы, неизменно получая ответы, заставлявшие его задуматься или посмотреть на ситуацию с их точки зрения. Так, он советовал им торопиться устраивать заездки, чтобы не пропустить рыбу, и получил ответ: «...рыбу Он дает, будем в праздник работать, совсем рыбы не даст» (Л. 36об.–37). Или возражал юкагирам в отношении ловкости медведя, что человек ловчей и получал ответ, разъяснявший, почему все же медведь сильнее. Или советовал юкагиру по прозвищу Ус, который отдал дочь за каменного ламута без приданого, но и не получил калыма, не давать приданое вообще: «Ус говорит, что ему больше будет стоить [приданое] чем 30 оленей [калым]. Я говорю: ты не возьми оленей, а скажи, чтобы муж сам ее одел, он ответил: нельзя, обычай, век его будут ругать, а дочь ламуты будто укоряют что отец ее отпустил без ничего». Иохельсон привлекал к себе юкагиров разными способами и видел в них порой детей или детей природы, в соответствии с характерными взглядами его времени.

Сегодня у меня собрались девушки и парни и устроили танцы в комнате. Они всегда в комнате танцуют круглый танец. [...] Чтобы обрадовать моих гостей сюрпризом, я устроил беспроигрышную лотерею, вместо личных подарков, с билетиками. Тут были конфеты, крестик, пуговицы, нитки шелк, колокольчик и т.д. Радость необычайна и сколько разговоров. Как немного нужно, чтобы сделать счастливыми этих детей, которых ни природа, ни люди не балуют» (Л. 40 об.).

Вместо заключения

До сих пор нет единого мнения о годе окончания Сибиряковской экспедиции – 1896 или 1897. Так получилось, вероятно, из-за смазанного конца экспедиции. И.М. Сибиряков принял монашество и уехал на Афон. Ссылные участники экспедиции хотели бы сохранить свой статус экскурсантов до окончания сроков ссылки. Сам Иохельсон годом окончания Сибиряковской экспедиции считал 1897 г.⁴⁹ 2 марта 1897 г. Иохельсон был освобожден от главного надзора полиции в связи с окончанием срока ссылки. Он вернулся в Якутск в августе 1897 г., проехав через Алазею, Русское Устье, Усть-Янск, Булун, поднявшись вверх по реке Лене на пароходе до Якутска, затем Иркутска, Санкт-Петербурга.

Так завершилась сибирская ссылка Иохельсона, удивительным образом превратившаяся в его первую экспедицию, в которой он познакомился с новыми культурами и языками, нашел методы для понимания людей, которые казались большинству общества инаковыми, маргиналами. Но для ссылного народника, который сам в некотором смысле был маргиналом, это не имело значения. В дневнике Иохельсона нет прямых ссылок на идеи, весьма характерные для его времени, об историческом прогрессе, «отсталых» народах и необходимости их интеграции в европейскую цивилизацию. Использование идиомы «дети природы» было скорее устоявшимся клише, нежели отражением реальных взглядов Иохельсона. Этнография вернула его к активной жизни, а политическая борьба отошла на задний план.

Из «начинающего дилланта», как Иохельсон назвал себя в январе 1896 г. в письме во ВСОИРГО⁵⁰, он постепенно превратился в крупного ученого. Методы полевой работы, позволившие собрать ценнейшие полевые материалы, были опытным путем выработаны и апробированы Иохельсоном в Сибиряковской экспедиции. Со временем его концепция поля не менялась, хотя и претерпела влияние практических задач, стоявших перед Джезуповской экспедицией, в первую очередь по сбору этнографических и антропологических коллекций, а также испытала влияние американской исторической школы Боаса.

⁴⁹ Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. 1900. Вып. I-II. С. 151.

⁵⁰ Сирина А.А., Шинковой А.И. Незвестное наследие... С. 360.

